

П.Е. Азарова

Советские праздники как механизм социализации городской молодежи Западной Сибири (1921 – первая половина 1941 г.)

Советский праздник представляет собой специфическое явление культуры, которое с одной стороны, фиксирует устойчивую институциональную конструкцию мероприятий отдыха масс, с другой стороны, отражает субкультурное своеобразие праздничных событий. Тематика возрастных субкультур нашла отражение в новейшей историографии, в том числе в исследованиях В.К. Криворученко, М.М. Мухамеджанова, Б.А. Ручкина, М. Рольфа¹. В частности, отечественные авторы подчеркивают значимость изучения истории субкультурных советских объединений, характеризуя комсомол как значимое звено в социальной структуре государства. Немецкий историк М. Рольф, рассматривая советские праздники, отмечает участие возрастных когорт на массовых мероприятиях. Однако проблема субкультурного своеобразия праздников и значения данного фактора в советской социально-мобилизационной политике в данных работах не освещалась.

Между тем, юношество обладает своими специфическими функциями, не замещаемыми другими субкультурами. Данная возрастная когорта, находящаяся в состоянии определения жизненных ценностей, психологически, готовая к принятию разного рода нововведений, представляла собой ценный социальный ресурс для утверждения большевистской государственности. Цель исследования состоит в выявлении форм и функций советских праздников, влиявших на процесс социализации городской молодежи Западной Сибири в 1921 – первой половине 1941 г., в эпоху становления и утверждения в стране основ советской государственности и праздничной культуры как системной ее части. Источниками для реконструкции служат документы и материалы фондохранилищ ряда государственных федеральных и региональных архивов (ГАРФ, РГАСПИ, ЦДНИ ТО), а также основного периодического издания Сибири, газеты «Советская Сибирь»; «Сибирский педагогический журнал»; изданий, ориентированных на юношеское поколение «Сибирский комсомолец», «Юный Ленинец», «Юным строителям Сибири», «Юный пролетарий», «Юный коммунист», «Юный Алтаец», «Юный безбожник» за указанный период.

Выход страны из тяжелой эпохи войн и революций неизбежно сопровождался негативными явлениями и процессами. Материалы периодической печати 1920-х гг. полны описаний бедственного положения подрастающего поколения, характеризовавшегося болезнями, голодом, беспорядочностью,

Азарова Полина Евгеньевна, аспирант Института истории СО РАН.

Эл. почта: polina_a@ngs.ru

¹ *Криворученко В.К.* О советском комсомоле нужна научная история // Криворученко В.К. Статьи последних лет. М., 2010. С. 281–293; *Криворученко В.К., Динес В.А., Галаган А.А.*, Очерки истории ВЛКСМ. В поисках истины. Саратов, 1991. Ч. 1.; *Мухамеджанов М.М.* От перестройки к самороспуску: комсомол в 1985–1991 гг. К 90-летию создания ВЛКСМ. М, 2008; *Ручкин Б.А., Мухамеджанов М.М.* Уроки комсомола. К 90-летию ВЛКСМ. М., 2008.; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009.

всевозможными социальными аномалиями¹. В то же время в прессе данные факты оценивались как «тяжелое наследие» антинародной политики императорского режима, создавая, тем самым, фон для формирования позитивного образа советской власти, как открывавшей юношеству новые перспективы. Одним из важнейших и технологически доступных для реализации инструментов советизации данной когорты в сложившихся условиях выступал «управляемый» праздник.

В советской социальной политике в отношении «подростающих поколений» уже с первых постреволюционных лет устанавливались определенные стратификационные критерии. Согласно документам Наркомата просвещения, возрастной рубеж между детством и юношеством проводился по границе 14 лет². Юношеский возраст определялся в 15–23 года³ (комсомольцы), далее наступал официальный возраст молодости (дающий, помимо прочего, право на вступление в партию). Отвечавшие за идеолого-пропагандистскую и воспитательную работу партийно-государственные структуры разрабатывали для каждой из поколенческих когорт свой стандарт социально-воспитательных задач и методик с учетом их возрастных особенностей⁴.

Органичной составной частью проводившейся целенаправленной юношеской консолидации выступали лозунговые технологии. В 1920-х гг. была актуализирована и стала приоритетной установка на нахождение оптимальных форм вовлечения подрастающего поколения в государственные праздничные инициации, «в общеполитическое торжество на основе лозунгов партии»⁵. Лозунги как средство социальной мобилизации призваны формировать в массовом советском сознании картину нового миропорядка. В данный период лозунги акцентировали внимание на приобщение детей и подростков к революционным традициям, воспитание из них «революционных пионеров», которые являлись приемниками и «борцами за дело Ленина». В это время формировался корпус нормативных лозунгов, сочетавших внутренние цели и ориентиры с борьбой за интересы и нужды молодежи в мировом масштабе, в контексте «смотра боевых сил мирового комсомола»⁶.

В 1930-е гг. апелляция к подросткам и комсомольцам была связана, прежде всего, с призывом к участию в «больших», эпохальных общегосударственных задачах – индустриализации, коллективизации и культурных преобразованиях. Характерно внедрение в «общие» призывы дифференцированных, адресных обращений к «единению» подрастающего поколения с конкретными социально-профессиональными группами, в частности, с рабочими, колхозниками и сферами их трудовой деятельности⁷. Идеалом провозглашается рабочий, производственник, сознательно относящийся к труду⁸. Обобщенные образы – символы людей труда дополнялись персонализированными

¹ См: *Советская Сибирь*. 1923. 31 марта.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Л. 60.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 58. Л. 60.

⁴ *Смирнов И.* Современные педагогические течения // *Сибирский педагогический журнал*. 1923. № 1. С. 11–34; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60. Л. 40; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 109. Л. 31; ГАРФ. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 4–5.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 9. Д. 79. Л. 2.

⁶ *Юный пролетарий*. 1918. 31 окт.; *Советская Сибирь*. 1925. 18 авг.; 1930. 7 сент.

⁷ *Советская Сибирь*. 1935. 24 апр.; *Советская Сибирь*. 1936. 24 апр.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 44. Л. 1.

образами, выступавшими образцами для подражания, среди которых выделялись такие знаковые фигуры, как Ленин, Крупская, позднее Стаханов и др. Создание позитивного идеала осуществлялось через ярко выраженную социальную дихотомию («мы» – «они»), что имело несомненные возможности для манипулирования образами положительного и отрицательного персонажей, способствовало формированию ценностных ориентиров подрастающего поколения.

Значимость юношеских когорт для государства подчеркивалась тем, что они становятся непременными участниками «больших» торжеств. Обязательным становилось участие для подростков, в частности в таких мероприятиях, как годовщина начала Первой мировой войны (1 августа организовывались экскурсии на аэродромы, в воинские части)¹, День Парижской Коммуны² и др. Комсомольцы, являвшиеся активными участниками подобных праздников, воплощавшие идею «демонстрации силы и бодрости» советского гражданина³, были одновременно организаторами торжества, которые помогали в украшении помещений, в постановке живых газет, спектаклей, шефстве над учащимися младшего школьного возраста, создании подарков для пионеров и профессиональным объединениям и т.д.⁴. Участие в государственных торжествах способствовало активной социализации подрастающего поколения: подчеркивалась их принадлежность к массе, демонстрировалась их значимость в кругах взрослых субкультур.

Ценность подрастающего поколения в 1920-е – 1930-е годы обозначена внесением в календарь праздников особых юношеских торжеств, таких как День комсомола, Международный Юношеский День (МЮД), имевших международное значение⁵. Так, 29 октября 1918 г. начал работать Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи, собравший 195 делегатов со всей России и объединивший разрозненные молодёжные организации в единый Российский коммунистический союз молодежи. С этого времени указанная дата стала Днем рождения комсомола. Другое торжество – МЮД, было установлено Бернской международной социалистической конференцией молодёжи в Европе в 1915 г., и отмечалось как международный праздник. В России этот праздник впервые отмечался в 1922 г. До 1931 г. его празднование проходили в первое воскресенье сентября, позднее – 1 сентября. В 1945 г. МЮД был переименован во Всемирный день молодежи и перенесен на 10 ноября. Традиции его празднования сохранились до настоящего времени.

Таким образом, выше обозначенные субкультурные события нашли свое устойчивое место в череде новых праздников. Определение единого дня празднования обозначенных мероприятий предавало событиям статус официальных торжеств, сохранивших свое значение и на сегодняшний день, хотя и в измененном варианте.

На протяжении 1920-х – 1930-х годов субкультурные мероприятия включали в себя разнообразную по торжественности и привлекательности программу, учитывавшую возрастные особенности юношеского возраста: собрания, вечера трех поколений,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 56. Л. 47.

² Там же. Л. 77. Л. 64–67.

³ *Юный Ленинец*. 1930. 7 мая.

⁴ *Юный Коммунист*. 1925. 12 января; *Юным строителям Сибири*. 1930. Апрель; *Юный Ленинец*. 1936. 29 февраля; 1936. 30 июля.

⁵ *Юный Алтаец*. 1920. № 1; *Советская Сибирь*. 1922. 17 авг.

конференции, дискуссии на политические темы¹, агитсуды, создание живых картин² подписку на литературу, экскурсии, демонстрации кинофильмов, спортивные выступления (легкая атлетика и баскетбол), демонстрации, факельные шествия³.

Одной из самых распространенных форм являлись собрания и дискуссии, проводившиеся среди молодежи. В методических рекомендациях политпросвета отмечалось, что «основным методом пропаганды должна быть беседа с наводящими вопросами, из которых пионеры и комсомольцы сами бы делали выводы»⁴. Действительно, большинство тематических бесед состояло из аргументов и контраргументов на определенные социально-политические темы, тесно связанные, как с праздником, к которому приурочено собрание, так и с конкретной социально-политической обстановкой в стране и регионе.

В 1920-х гг. Политпросом были рекомендованы приоритетные темы для бесед, представленных антицерковным направлением. Этот период ознаменован началом кампании замещения православной Пасхи близким по времени праздником Первое мая. Учитывая политизированность темы на обсуждение выносились вопросы альтернативного характера: «Нужна ли нам Пасха?», «Кто празднует Пасху?», «Что такое Первомай?». В середине 1920-х гг. вопросы «направленного характера» несли в себе элементы ответа и иногда представляли утверждения: «Какой вред несет от целования икон?», «Причащение приносит заразу», «Нужно ли в церковь на Пасху». Во второй половине 1920 гг. сама постановка вопроса уже носила характер методической рекомендации: «Как пионеры и комсомольцы готовятся к I мая», «Как надо готовиться к I мая в школе», «Что делать в Пасхальный вечер (прийти в пионерклуб)»⁵.

В 1930-х гг. на первый план среди праздничных бесед юношества вышли тематики индустриализации, героизма гражданской войны. В качестве объектов бесед использовались герои борьбы за советскую власть в Западной Сибири. Особенностью тем данного периода являлась утвердительная формулировка, не допускавшая вопросительной или альтернативной формы. Беседы имели характер просвещения и определения ценностных ориентиров: «Быть борцами за дело Ленина!», «9 января 1905 года», «Рыцари революции», «Три героя», «Женщины – героини Западной Сибири», «Подвиг Дуся Ковальчук»⁶ и др.

На протяжении 1921 – первой половины 1941 г. сложились традиционные формы проведения торжеств, которые в дальнейшем подвергались незначительной динамике. Кульминацией торжеств являлись демонстрации. В 1920-х гг. юношеские торжества подобного рода проводились зачастую в виде факельных шествий⁷. Данная форма праздника представляла собой сверхсобытие, где факел является символом «живой энергии» революции и труда. К 1930-м гг. произошло смещение идейных приоритетов,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 94. Л. 22.

² *Советская Сибирь*. 1920. 31 авг.; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 78.

³ *Советская Сибирь*. 1920. 31 авг.

⁴ ОГУ ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 59.

⁵ *Советская Сибирь*. 1921. 10 апр.; ОГУ ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 204. Л. 215.

⁶ *Юный коммунист*. 1925. 5 марта; *Солдатов Г.* От насюков перейдем к постоянной помощи пионер движению // *Сибирский комсомолец*. 1929. Октябрь. С. 24; *Юный Ленинец*. 1934. 7 нояб.; 1935. 6 июля; 1936. 27 июля.

⁷ *Советская Сибирь*. 1920. 31 авг.; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 110. Л. 3–23.

что способствовало исчезновению подобных шествий из общих торжеств. Данные элементы сохранялись лишь в спортивных мероприятиях, где идея сверхнапряженного события, по-прежнему, оставалась актуальной. При этом состязательные физкультурные мероприятия способствовали усвоению новых ценностных ориентиров, связанных с укреплением духа, воспитанием качеств бойца и др.

В межвоенный период формировалась отчетливо выраженное манипулирование мотивацией подростков через подарочную литературу. В данном контексте тематические рекомендации о том, что и как дарить по праздникам имели особое значение, поскольку литература формировала представление о мире на языке, адаптированном для возраста и субкультурных представлений. Сам факт дарения подразумевал не одностороннее принятие, а призыв к обмену подарками между профессиональными и возрастными субкультурами. При этом подарок имел символическое значение выражения причастности и демонстрации солидарности в избранном деле.

Период 1920-х гг. характерен усилением компонентов Всеобуча: в подарочных наборах появились карандаши, бумага, идеологизированная детская и подростковая литература, освещавшая подвиги революции и гражданской войны¹. Особая категория печатных изданий была представлена воспоминаниями об этом времени, подчеркивавшими историчность и значимость новых государственных торжеств (1 мая, Октябрьской революции и др.)². Появилась агитационная литература, предназначенная для обязательной продажи накануне праздников³. В частности, выпускались «Первомайские брошюры», комментировавшие лозунги, а также небольшие иллюстрированные издания для подрастающего поколения – «Удивительный праздник» и «Сенькин Первомай» с адаптированными текстами⁴. Широкое распространение получили антирелигиозные издания: «антипасхальные» и «антирождественские» сборники, содержавшие стихи для концертов, пропагандировавшие цели и задачи «Союза воинствующих безбожников», рекомендации по организации стенных тематических газет, предназначенные для помощи в самостоятельной организации праздника для детей и юношества⁵. Ценовая политика в отношении выше обозначенных изданий была гибкой и ориентировалась на широкие слои населения. В списках «эталонных подарков» для обмена между субкультурами юношеских торжеств, преобладали рисунки и стихотворения о героях гражданской войны, самостоятельно сделанные открытки. Лучшие подарки отмечались в публикациях краевых газет и журналов Западной Сибири.

Политизация 1930-х гг. сместила акцент подарочных компонентов на элементы агитации: теперь это не только литература, подписка на адаптированные возрастные журналы, но и бесплатные походы на звуковые киносеансы⁶. Понятие «Сталинский подарок» стало синонимом желанной государственной награды. Последняя поощрительная форма являлась особым торжественным событием в дни праздников и была ориентирована на разные формы восприятия. Открытие первых стационарных кинотеатров и премьерные демонстрации фильмов приурочивались к торжественным

¹ *Советская Сибирь*. 1925. 15 апр.; *Советская Сибирь*. 1925. 15 апр.

² Там же. 1922. 20 окт.

³ Там же. 1929. 30 апр.

⁴ См. Там же.

⁵ См. Там же.

⁶ Там же. 1932. 17 нояб.

датам. Так, в г. Кузнецке в 1935 г. показ фильма «Веселые ребята» происходил в день памяти В.И. Ленина – 21 января. Важное место в этом ряду занимали фильмы, целевой аудиторией которых являлись комсомольцы, такие как «Отважный Д`Артаньян»¹. Девиз фильма «Один за всех и все за одного» оказался необычайно популярным и востребованным. В конце 1930-х гг. возрастная политизированная литература освещала не только подвиги гражданской войны («нарисую портрет Чапаева», «сделаю модель самолета»). В праздничных открытках, плакатах появились образы древнерусских богатырей, стимулируя подъем патриотических чувств².

В 1930-е гг. в списках «эталонов подарков» были приоритетны самостоятельно собранные модели техники (электропоезда, корабля, самолета, планера), макеты географических объектов (например, Азии) и альбомы октябрьской революции. Лучшие подарки из Западной Сибири отправлялись на выставку в Москву, организованную на съездах советов³. Таким образом, динамика тематических акцентов подарочной литературы выступала важным индикатором усиления и разнообразия политического воспитания юношества.

Важно отметить, что комсомольцы являлись своеобразной возрастной категорией, выступавшей не только в качестве объекта, но и привлекаемой в качестве активного субъекта праздничных акций. Они оказывали помощь в организации мероприятий для детей и пионеров, в чем четко прослеживался принцип установления иерархического шефства старших над младшими. В целом участие в празднествах детей до 14 лет заключалось в пребывании рядом с основной массой и «мягком» их приобщении к общему действию. Они пока не принимали участие в общей демонстрации совместно с коллективами учреждений и предприятий, но могли привлекаться к участию в концертах и т.д.⁴ В свою очередь, представители молодежи, входящие в состав комсомольских отрядов⁵, являлись участниками шествия, и становились желанным эталоном для подражания «несоюзной молодежи».

При организации субкультурных мероприятий для подрастающего поколения, устанавливалась и подчеркивалась строгая иерархичность. Так, катание на пароходе в г. Новониколаевске при проведении Недели ребенка в 1921 г. имело четко определенную последовательность, подчеркивавшую внутренние различия в среде детей и юношества, выделявшую приоритетные группы: первыми катались дети из школ и комсомольцы, и уже потом – «неорганизованные дети»⁶. Таким образом, постепенно участие или неучастие в торжествах приобретало роль стратификационного признака. Это существенно корректировало модели и практики поведения подрастающего поколения в социуме.

Таким образом, 1920-е – 1930-е годы являлись временем активного становления и формирования государственной политики в отношении юношества. Советские

¹ *Большевистская сталь*. 1935. 2 янв.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 755. Л. 37–40.

² *Юный Ленинец*. 1936. 11 февр.; *Советская Сибирь*. 1937. 23 апр.; *Советская Сибирь*. 1938. 5 нояб.; *Советская Сибирь*. 1939. 25 дек.

³ *Юный Ленинец*. 1934. 21 нояб.; 1936. 18 окт.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 109. Л. 31; *Советская Сибирь*. 1930. 19 мая; ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 5; ГОУ ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 78; *Советская Сибирь*. 1929. 28 апр.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 90. Д. 79. Л. 5.

⁶ *Советская Сибирь*. 1921. 26 июня.

праздники представляли важный элемент социализации, мобилизации и стратификации общественной жизни, в которую встраивались младшие возрастные когорты.

Социализирующая функция праздников проявлялась в общем торжестве, что способствовала объединению граждан: совместные демонстрации, пение песен и др. Устанавливалась четкая регламентация мероприятий, взаимосвязь всех праздничных событий и одновременная качественная включенность в систему советских торжеств всех возрастных субкультур. При этом существовала замкнутые взаимосвязанные цепочки субкультур, где одни осуществлялась шефство над другими: молодежь – подростки-дети. В этом контексте уместно упомянуть традиционный обмен регламентированными подарками между возрастными и профессиональными субкультурами в период проведения праздников. Данная взаимосвязь свидетельствует о создании непрерывности процесса социализации.

Мобилизация проявлялась в целенаправленном формировании «нового советского человека с активной гражданской позицией» в лице юношества, выступавшего в официальных праздниках субъектом со своими ролевыми функциями. Инструментами мобилизации, в частности, выступали юношеские журналы, освещавшие сферы подростковых интересов, фокусировавшие внимание на приоритетных вопросах. Стратификационная роль праздника проявлялась в выделении приоритетных возрастных групп, делившихся по критерию их включенности в активную общественную жизнь.